

Современная историческая эпистемология.
Аналитический обзор направления исследований¹

Для цитирования: Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т.1. № 4. С. 153-167.²

Введение.

Историческая эпистемология как современное направление исследований научной деятельности имеет отношение ко многим актуальным дискуссиям в области эпистемологии и философии науки.³ Дискуссии эти связаны не только с общими проблемами историзации познания или эпистемологической рефлексии истории, но с самой неопределенностью исследовательского поля современной исторической эпистемологии (далее СИЭ). Этим легитимируется предлагаемый анализ, который будет включать несколько аспектов. 1) Различение внутри поля, объединяющего формально (по имени) и содержательно (по предмету и проблематике) различные версии исторической эпистемологии. Этот аспект позволит не только конкретизировать область анализа, но и наметит пути возможного взаимодействия между СИЭ и иными подходами. 2) Выявление специфики любого направления исследований связано с прояснением контекста его возникновения, а также внутренней структуры, задающей многообразие конкретных тем. При описании контекстов возникновения и внутренней структуры в фокусе будет уже СИЭ, предметом которой оказывается научная деятельность в исторической перспективе. 3). СИЭ как любое исследовательское направление включает ряд проблем, среди которых мы выделим контекстуальные, определяющие ее место в актуальных дискуссиях, и рефлексивные. Указанные три аспекта можно назвать: 1) аналитикой исследовательского поля, 2) определением контекстов и репрезентативных тем, 3) описанием проблем. В первом случае будет идти речь об исторической эпистемологии в широком смысле слова и о различных ее версиях. Во втором и в третьем случае анализ будет относиться уже к СИЭ как особому направлению исследований науки.

© Л.В. Шиповалова

¹ Обзор подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы».

² Данный обзор представляет собой расширенную версию указанной публикации. Потому при использовании материалов обзора, просьба ссылаться на нее.

³ Данный обзор не претендует на то, чтобы представить в достаточной степени все источники, относящиеся к СИЭ, раскрыть все ее проблемы и детально очертить место в современных дискуссиях. Следует воспринимать его как основу для последующей работы.

Аналитика исследовательского поля.

Самое общее различие в определенности предмета исторической эпистемологии связано с разделением *эпистемологической рефлексии историков* и *исторической рефлексии эпистемологов*. Иначе говоря, исторической эпистемологией может называться обращение к специфике и проблемам исторического познания,⁴ а также историческое исследование познавательной деятельности.⁵ Как в первом, так и во втором случае само имя *исторической эпистемологии* оказывается не обязательным, но возможным. Такое разделение допускает вопрос о проницаемости границы: предполагают ли указанные направления исследования пересечение их предметных областей и взаимодействие? Отвечая на этот вопрос утвердительно, можно указать на образцовый пример штудий историков науки, представляющих собой не только обсуждение проблем исторического познания,⁶ но и работу с собственным предметом – научной деятельностью – как принципиально историческим.⁷ Именно история науки, включающая не только дескрипцию предмета, но и рефлексии собственных оснований, может служить своего рода посредником между двумя основными видами исторической эпистемологии. Кроме того, в этих двух видах можно обнаружить общность философских концептуальных и методологических оснований, в частности, апелляцию к герменевтике В. Дильтея, П. Рикера и Г.Г. Гадамера, фундаментальной онтологии М. Хайдеггера,

⁴ Можно отнести к этому исследовательскому направлению тексты Г. Баттерфилда, А. Мегилла, Ф. Анкерсмита, Х. Уайта, Р. Козеллека, Н. Копосова и др. [Butterfield, 1955, Анкерсмит, 2007, Мегилл, 2007, Копосов, 2001, Вен, 2003, Уайт, 2002]. Даже в тех случаях, когда историки отрицают, что история представляет собой *научное* предприятие, они, подобно П. Вену, тем не менее, называют свое исследование исторического синтеза «эпистемологией».

⁵ Указанное разделение актуально и в дисциплинарном контексте и подобно тому, которое существует и относительно социальной эпистемологии. Учеными (историками и социологами) эта дисциплина воспринимается как обоснование исторического или социального познания, а философами как историческая или социальная теория познания. Сама историческая фактичность возникновения этого различия достойна внимания и *может быть предметом последующей работы*.

⁶ Например, вариативность собственных подходов – презентизма, антикваризма, вигской историографии и др. См. об этом: [Кузнецова, 2009, 1996, 1982; Розов, 1994; Ashplant, Wilson, 1998; Alvargonzalez, 2013; Hall 1983; Jardine, 2003. Moro Abadia, 2008; Moro Abadia, 2011; Pickstone, 1995; Tosh, 2003 и др.]. Не без риска запутать ситуацию, можно все же подчеркнуть, что это «общее поле» или пересечение может формироваться также внутри исследовательской традиции эпистемологической рефлексии исторического познания, где осуществляется обращение к истории собственной науки. В качестве примера можно привести текст Н. Копосова «Как думают историки» [Копосов, 2001, с. 129-160], в котором одна из глав (третья) посвящена истории становления понятия «общество» и «социальное». Такое исследование можно соотнести – с учетом спецификации исследовательского подхода – с обращением к научным понятиям и научным объектам из области СИЭ: [Wagner, 2000]. О предметном пространстве и специфике подхода СИЭ будет подробнее сказано далее.

⁷ В данном случае сложно было бы перечислить даже образцовые примеры в данной области – статьи, монографии, сборники. Можно назвать некоторые основные международные журналы, представляющие работы по истории науки: Isis, Osiris, Studies in History and Philosophy of Sciences, History of Science, Social Science History, British Journal for the History of Sciences. HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science.

феноменологии Э. Гуссерля, к концепту историчности, определяющему, как объект исследования, так и само понимание.⁸

Второе различие может быть обнаружено уже внутри исторической эпистемологии как *исторической рефлексии эпистемологов*. Общая идея этого направления исследования состоит в том, что познавательная деятельность, ее нормы и конкретные практики принципиально изменяется в истории, определяется спецификой языка, мировоззренческих установок, жизненного мира той или иной эпохи. Познавательная деятельность включает науку, а основные проблемы эпистемологии как теории познания формировались, начиная с Нового времени, по преимуществу в контексте задачи обоснования научного знания. Потому можно говорить о том, что историческое осмысление *научного познания* может выступать частным случаем осмысления *проблем познания вообще*.⁹ Необходимо подчеркнуть одну деталь. До середины XX в. основная тенденция исследований науки состояла в том, чтобы отделить научное познание от иных видов познавательной деятельности. Эта тенденция вписывается в дискуссии о критериях демаркации, которые до сих пор остаются актуальными, например, в контексте критики лженауки. Современная же тенденция – так называемая третья волна социологии научного знания – предполагает обращение, в том числе в исторических исследованиях, к конструктивности взаимодействия между профессиональным и ненаучным знанием, к рассмотрению науки в социальном и культурном контексте.¹⁰

Третье различие позволяет выделить конкретные традиции *историзации именно научного знания*: французскую историческую эпистемологию, марксистскую версию, а также СИЭ. В *первом случае* речь идет о работах Г. Башляра [Bachelard, 2006], Ж. Кангилема [Canguilhem, 1998], М. Фуко [Foucault, 1972] как французских эпистемологов, обращающихся к

⁸ См. об этом, например: [Rheinberger 2010. Trubnikova 2016]. О соответствующих концептах в отечественной эпистемологии см. дискуссию в номере журнала Эпистемология и философия науки [Филатов, Малахов, Вышегородцева, 2007]

⁹ Это различие в современности отчасти соотносится со словоупотреблением. Эпистемология в аналитической и в русскоязычной традиции отсылает к познанию вообще, тогда как во французской традиции – по преимуществу к научному познанию. См. об этом: [Brenner, 2015]. Яркий пример реализации широкого смысла исторической эпистемологии: [Касавин, 2000]. И.Т. Касавин, раскрывая общий смысл философской теории познания, осуществляющей разворот к историчности, описывает три группы исследовательских контекстов: 1) исторические штудии постпозитивистов, у которых, однако, логика оставалась основой исторической реконструкции; 2) исторические эмпирические исследования социологов науки, для которых историческая фактичность позволяет ставить под вопрос любую вневременную норму, сформулированную эпистемологами; 3) исследования исторических форм рациональности, сменяющих друг друга, однако позволяющих относиться к сырому материалу исторической фактичности как к тому, который был естественным образом схематизирован. Эти три версии эпистемологического историзма со свойственными им различными методологическими установками, спорами и взаимодействием делают историческую эпистемологию конструктивно развивающимся проектом [Касавин, 2005].

¹⁰ В этом обнаруживается близость современной социологии научного знания и исторической эпистемологии. Примеры таких «сближающих» исследований: [Shapin, Schaffer, 1985; Vetter, 2011; Shapin, 1990; Cooper, 2007 etc.].

изменяющимся в истории основаниям научного знания.¹¹ Иногда название трактуется расширительно, охватывая практически всю традицию французской эпистемологии, несмотря на различные предпосылки историзации научного знания, например у П. Дюгема, Г. Башляра, М. Фуко, А. Койре и др. [Соколова, 1995; Brenner, 2015]. Во втором – с помощью имени историческая эпистемология определяется марксистская теория познания в XX в. В этом случае репрезентативными работами можно считать тексты М. Вартовски и Дж. Кмита [Wartofsky, 1979; Kmita, 1988]¹². Работы этих авторов по преимуществу ориентированы на познание в целом, а наука оказывается лишь частным случаем. Третья традиция – СИЭ – становится далее основным предметом нашего анализа.

Контексты актуализации СИЭ.

Современная историческая эпистемология представляет собой достаточно новое направление исследований, связанное с именами Л. Дастон, П. Галисона, Х.-Й. Райнбергера, Я. Хакинга, Б. Латура. Ю. Ренна и с деятельностью Института истории науки М. Планка в Берлине. СИЭ укореняет себя в традиции исторических исследований познания, заявляя при этом и о специфике собственного подхода. Текст Х.-Й Райнбергера *Об историзации эпистемологии* представляет собой обстоятельную историческую ретроспективу, восходящую к XIX в. и позволяющую проследить постепенную историзацию эпистемологии и эпистемологизацию истории науки [Rheinberger, 2010]. В исторический контекст возникновения СИЭ Райнбергером включается не только французская историческая эпистемология, представители постпозитивизма (Т. Кун, П. Фейрабенд, С. Тулмин) и их предшественники (Л. Флек), но и идеи М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, современных марксистских философов.¹³

¹¹ Следует выделить как минимум два ответа на вопрос о появлении в французской традиции названия *историческая эпистемология*. В первом случае предполагается, что оно возникает позже, чем его носители; ответственным за это позднее именование считается Д. Лекур, впервые использовавший его в названии своей книги *L'Épistémologie historique de Gaston Bachelard* в 1969 году. [Gingras, 2010]. Во втором случае обнаруживается ранее происхождение термина, связанное с работами французского эпистемолога начала XX в. А. Рея [Brenner, 2015; Braunstein, 2012].

¹² Жангра обращает внимание на связь Д. Лекура с современной ему марксистской традицией во Франции, отмечая в частности влияние Л. Альтюссера. Он полагает, что в термине историческая эпистемология объединяются две традиции – французская и марксистская [Gingras, 2010, p. 443] (см. также в этой связи работу Лекура: [Lecourt, 1975]). Браунштейн же сомневается в адекватности такого предположения, указывая на существенные различия между эпистемологией как научной дисциплиной и марксизмом как философской доктриной [Braunstein, 2012, p. 34]. Значимые пересечения традиций можно найти и в постпозитивистской философии науки. О марксистских корнях идей И. Лакатоса и о возможности их соотнесения с исследованиями в области СИЭ см. панельную дискуссию в журнале *Эпистемология и философия науки* № 3 2018 г. [Lynch, 2018].

¹³ См. об этом также: [Rheinberger, 2012]. В отечественной эпистемологии проблемам историзации эпистемологии посвящены исследования Поруса В.Н. [Порус 2008, 2009, 2010]. Кузнецовой Н.И. [Кузнецова, 2005, 1982, 1996]. О сходстве и различии между СИЭ и историзацией науки в постпозитивистской традиции будет сказано далее. Обстоятельный анализ этого соотнесения может быть предметом дальнейших исследований.

Значение описываемого Х.Й. Райнбергером встречного движения со стороны истории и эпистемологии, репрезентированного в традиции СИЭ, связано также с актуальной проблемой, выступающей вторым контекстом возникновения СИЭ, проблемой отношений философии науки как нормативной дисциплины и позитивных, в частности исторических исследований науки, имеющих по преимуществу дескриптивный характер. Общее поле исследований науки остается для этих дисциплин до сих пор скорее разделяющим, чем объединяющим.¹⁴ Конструктивность *междисциплинарного синтеза* философии и истории науки пока далеко не очевидна для историков. Не в последнюю очередь это можно связать с вторичной ролью в нем истории как «пробного камня» или «материала», о чем напоминает известная фраза И. Лакатоса о дополнительности истории и философии науки, в которой историку науки отводится лишь роль поставщика конкретного для философских синтезов или для проверки философских гипотез. В этом контексте проблемы междисциплинарного синтеза как нельзя более актуален жест СИЭ, включающий не только историзацию теории научного познания, завещанную представителями предшествующих традиций, в частности марксистской и французской, но и эпистемологизацию истории науки. Последний жест отличает именно современную историю науки. СИЭ берет на себя организацию встречи двух исследовательских интересов [Rheinberger, 2012, p. 111]. Работы в этой области становятся не просто дескрипцией отдельных научных событий или длительных процессов, но обращением к генезису современных эпистемологических проблем как к пути, на котором может быть обнаружено их разрешение. В этом смысле исторические исследования науки в СИЭ становятся философскими, предлагающими переосмысление базовых научных концептов, статуса научных объектов, оснований трансформации научного знания в целом.

Кроме эпистемологизации истории и контекста междисциплинарности философии и истории науки, задающих специфику СИЭ, следует отметить контекст *неклассических эпистемологий*. Объединяет их анти-эссенциалистская установка, сомнение относительно универсального и неизменного статуса оснований научной деятельности, ее предмета и метода, а также относительно разделения «собственного» развития науки и влияния на него «внешних»

¹⁴ О проблемах междисциплинарного взаимодействия истории и философии науки см., например: [Reish, 2014; Arabatzis, Howard, 2015; Kuukkanen, 2016; Hendry, 2016]. Исследователи отмечают, что препятствием междисциплинарного синтеза истории и философии науки оказывается интерпретация взаимодействия этих дисциплин в духе фразы Лакатоса (Reish), а также забвение того, что все нормативные принципы, определяющие науку, к которым апеллируют философы, также имеют свое происхождение (Hendry). Следует подчеркнуть, что даже в смысле поставщика эмпирического материала, функция истории науки не столь однозначна. Исторические кейсы могут приводить к пересмотру взглядов и появлению новых идей [Kinzel, 2015]. О напряжении между нормативным и дескриптивным характером французской исторической эпистемологии, а также философии науки в целом, см.: [Chimisso, 2015, Столярова, 2014].

факторов. Для работ в области СИЭ характерно признание принципиальной исторической изменчивости критериев научности, базовых научных ценностей¹⁵. Это сомнение, а также жест проблематизации оснований науки, признававшихся ранее само собой разумеющимися (например, ценность объективности), делит с исторической эпистемологией регулятивная, социальная, натуралистическая, феминистская эпистемология, третья волна социологии научного знания и т.п.¹⁶ Вместе с критикой универсальности и необходимости научных оснований утрачивается однозначно утверждаемый нормативный характер эпистемологии [Wartofsky, 1987]. Анти-эссенциалистскую установку неклассических эпистемологий можно связать со спецификой интеллектуальной и социальной ситуации постмодернизма.¹⁷ В

¹⁵ Так, в одной из важнейших работ [Daston, Galison, 2007] речь идет о том, что в научных исследованиях объективность далеко не всегда считалась основной ценностью и добродетелью. Более того, авторы показывают, что смыслы объективности различаются в зависимости от того, в каких конкретных научных практиках или дисциплинах она оказываются руководящим принципом и могут даже противоречить друг другу (речь может идти об онтологической, механической, коммунитарной, структурной, а-перспективной объективности) [Дэстон, 2007; Daston, 1992; Daston, Galison, 1992, Daston, 1994]. Всякий раз при этом объективность трактуется как преодоление субъективности, однако сама форма преодоления меняется в зависимости от того, какие черты субъективности оказываются «опасными» в тех или иных научных практиках. Можно отметить близость таких исследований идеям Т. Куна о подвижности оснований научного познания. Отличие определяется вниманием в традиции СИЭ к научным практикам, а также к их материальной составляющей, о чем будет сказано ниже. Близкий пример работы с объективностью как научной ценностью в контексте феминистской эпистемологии, однако, посредством иных исследовательских техник, обращающихся к текстологическому анализу, см.: [Lloyd, 1995].

¹⁶ Раскрывая трансформацию традиционной эпистемологии во второй половине XX века, М. Вартовски описывает ее новые версии: «биологическую, эволюционную, натуралистическую, социальную, структуралистскую, генетическую, поведенческую, лингвистическую, компьютерную» [Wartofsky, 1987, p. 357]. Райнбергер доказывает закономерность преобразования современной общей философии науки в историческую [Rheinberger, 2012]. О темах неклассических эпистемологий см.: [Greco, Sosa, 1999].

Следует подчеркнуть, что дискуссии относительно существенных различий между классической и неклассической эпистемологией, а также неизбежность возникновения второй присутствуют не только в зарубежной, но и в отечественной традиции. В отечественной эпистемологии основания этим дискуссиям заложил концепт неклассической научной рациональности. Необходимые черты ее – открытость установок, критическая исследовательская позиция относительно оснований, многообразие методологических подходов, неоднозначность в определенности предмета, а также в различении субъекта и объекта исследований – были в центре внимания работ М.К. Мамардашвили, В.С. Швырева, В.С. Степина и др. Неклассическая научная рациональность, лежащая в основании неклассических эпистемологий предполагает рефлексивное внимание к субъекту деятельности, обнаружение его укорененности в социальных, культурных контекстах, существенное влияние условий самой познавательной деятельности на ее результаты. Среди работ на эту тему см.: [Лекторский, 2009, Пружинин, 2002, Мамардашвили, Соловьев, Швырев, 1972, Касавин, Лекторский, Швырев, 2005, Столярова 2010]. О неклассическом характере социальной эпистемологии, об общих чертах исторической и социальной эпистемологии и об общем контексте их возникновения см.: [Касавин, 2013].

¹⁷ Критицизм относительно универсальности оснований научного познания, основанный на власти приводящей к единству кантовской способности рассудка, идет во второй половине XX века рука об руку с актуальным протестом против унифицирующих норм общественных практик и культурной идентификации. В определенном смысле подобный теоретический универсализм оказывается последним прибежищем власти универсального основания знания и культуры в целом, характеризующего эпоху модерна и наиболее серьезным препятствием на пути протеста против этой власти. В одной из современных работ, посвященных исследованию знания в современном обществе, мы читаем: «Невозможно говорить о глобальной социальной справедливости без глобальной когнитивной справедливости. Возможно, более чем когда-либо, глобальный капитализм проявляется как цивилизационная парадигма, включающая все сферы социальной жизни. Исключение, подавление и дискриминация, которую он производит, имеет не только экономическое, социальное и политическое, но также культурное и эпистемологическое измерение» [Boaventura, Nunes, Meneses, 2007, p. xix].

отношении СИЭ это делает, например, Ю. Ренн, показывая насколько вызовы постмодерна – многообразие подходов и уровней анализа предмета – могут иметь значение для истории науки [Renn, 1996, p. 2-7].

Еще одним контекстом актуализации СИЭ оказывается так называемый *поворот к материальному или онтологический поворот*. Можно провести различие между этими видами поворота, обратив внимание на то, что они по преимуществу обнаруживаются в практиках и теоретической рефлексии об основании различных научных дисциплин. Материальный поворот в первую очередь связывается с современными исследованиями организаций [Carlile, Langley, 2013], а онтологический поворот с антропологией [Holbraad, Pedersen, 2017]. Однако, будучи проинтерпретированными как общие тенденции в социальных науках, а также в социальных исследованиях науки, эти два поворота могут быть поняты в их взаимосвязи: как два различных именования одного события или как конкретизация (материальный поворот) более существенной трансформации (онтологический поворот). В последнем случае материальный поворот интерпретируется как внимание к вещам или не-человекам как равноправным действующим лицам исторических трансформаций и социальных взаимосвязей. Одним из выражений этого поворота может служить принцип «генерализованной симметрии», сформулированный в контексте акторно-сетевой теории и предполагающий смещение исследовательского интереса к «не-человекам», от «практик и их объектов к объектам и их практикам» [Вахштайн, 2015, с. 11]. Осуществляется переключение внимания от оппозиции объекта и субъекта, реальности и конструкции, природы и культуры к их смешениям, гибридам, пространству «между». В конечном итоге должно быть раскрыто материалистическое понимание материи, в котором ее «идеальные», геометрические репрезентации (разреженные объекты) отделены от реального воспроизводства «насыщенных вещей», которые больше, чем любое представление о них [Латур, 2014, с. 270].¹⁸

Онтологический же поворот представляет собой актуализацию вопроса о том, *что* есть, а не только о том, «как» это «что» познается. Можно различить философскую рационалистическую и эмпирицистскую версию онтологического поворота, представленную, по преимуществу STS. И в том и другом случае его существо будет определяться двойственным критицизмом. С одной стороны относительно корреляционизма, утверждающего возможность работы познания исключительно с явлениями и отсутствие научного доступа к внешнему миру, существующему независимо и, соответственно, отдающего ответ на вопрос о мире самом по

¹⁸ О характеристиках и проблемах поворота к материальному, делающих его незавершенным проектом, см. также: [Столярова, 2012; Ерофеева, 2017; Астахов, 2012]

себе на откуп ненаучным формам знания [Мейясу, 2015]. Этот критицизм – философский или научный – связан с предложением онтологии (внешнего мира) и последующей эпистемологической постановкой вопроса о способах доступа к такому миру. С другой стороны, присутствует критицизм относительно догматического принятия эпистемологической позиции вообще, то есть относительно наивного придания ей онтологического статуса и, соответственно, подмены того, что «есть», тем, что мы об этом «знаем». Во втором случае критический онтологический вопрос позволяет припомнить различие между эпистемологией и онтологией, выявить возможность миру «быть и являться по-другому». В этом втором аспекте можно обнаружить пересечение контекста неклассических эпистемологий и онтологического поворота. Второй критицизм с его *онтологическим вопросом* к традиционной эпистемологии оказывается условием возможности критицизма первого с его *онтологическим ответом*¹⁹. И вопрос и последующий ответ включают возможность обращения к не-человекам как к другим вещам, подлежащим необходимому учету в процессах концептуализации. Этот анти-коперниканский поворот в двух своих вариантах объединяет спекулятивный реализм, объект-ориентированную онтологию, новый материализм, социальные исследования науки.

Онтологический поворот или поворот к материальному представлены с очевидностью в следующих текстах СИЭ: [Daston (ed.), 2000; Daston (ed.), 2008], хотя явным или неявным образом обсуждается и во многих других. Оказывающиеся в фокусе внимания вещи или научные объекты при этом никогда не пассивны, не инертны. Онтологический статус любого объекта – мечты, личной идентичности, болезни, кометы, атома, цитоплазматической частицы – перестает быть априорной данностью, но становится предметом работы. Он подтверждается действием объекта или его влиянием, когда возникают «результаты, следствия, сюрпризы, связи, манипуляции, объяснения, применения» [Daston, 2000, p. 6, 10]. В этих работах репрезентирована «прикладная метафизика» или альтернативная онтология, внимательная к событиям вхождения в бытие научных объектов и прекращения их существования.²⁰ Средством

¹⁹ Второй критицизм характеризует существо *методологического онтологического поворота*, где современные эпистемологические проблемы оказываются поводом возвращения онтологического вопроса, разворачивающего внимание от тезиса о том, как мир есть, за которым скрывается убеждение в известности того, каким он быть должен, к вопросу о том каким он «может быть» [Holbraad, Pedersen, 2017, p. 29]. Рефлексивность и экспериментальная концептуализация – средства осуществления этого поворота. Первый критицизм предполагает выстраивание новой онтологии. В этом случае возможны варианты: множественные онтологии (А.М. Мол), альтернативная онтология, обращающая к тому, что присутствует за рамками данности (спекулятивный реализм) или объединяющая дуальности, полагаемые предшествующей онтологией. Вариативны также последующие эпистемологические ответы о способах доступа – от рационализма трансфинитной математики спекулятивного реализма до эмпиризма научных практик и взаимодействия с реальностью в современных исследованиях науки и технологий.

²⁰ См. об этом введение Л. Дастон к сборнику текстов «Биографии научных объектов» [Daston, 2000, p. 1-14].

перехода к онтологическому ответу здесь выступает критика догматизма эпистемологической позиции, предъявляющего единственно возможную «онтологию того же самого», и, как следствие, придание онтологического статуса многообразию исторических репрезентаций, обнаруживающих вариативность и изменчивость мира. Принятие «истории всерьез» выступает одновременно и негативным и позитивным жестом.

Не все представители современной исторической эпистемологии в равной степени признают включенность в онтологический поворот. Например, Х.-Й Райнбергер отмечает, что именование исторической эпистемологии как именно эпистемологии удерживает ее от онтологических претензий.²¹ Идеи Я. Хакинга представляют собой «мягкий» вариант исторической онтологии. Он настаивает на необходимости внимания к тому как «практики нашего именования взаимодействуют с тем, что мы именуем» и на невозможности исключить природу как активного участника развития представлений о ней» [Hacking, 2002, p. 2, 16]. Однако в качестве событий «вхождения в бытие научных объектов», в которых принимают участие природа, люди и технологии, Хакинг рассматривает только те сущности, которые созданы в процессе научной деятельности, например лазер. Более радикальный подход представлен в текстах Б. Латура, где историческое событие начала научного исследования той или иной предметности, имеющее конкретное место и время, парадоксально трактуется как начало вечного и инвариантного бытия научного объекта, начало его утверждения в качестве того, что было «везде и всегда» [Latour, 2000]. Таким образом, внутри исторической эпистемологии обнаруживается онтология, отход от автономии которой был начат менталистским поворотом поздней схоластики. Познающий субъект перестает быть основным гарантом достоверности знания, а само знание – преимущественным интересом философии²².

²¹ Отсутствие непосредственных онтологических заявлений в этом случае не препятствует тому, что в поле работы оказываются процессы, центрированные на вещах, объектах исследования. Однако апелляция к экспериментальным практикам, в которых обнаруживается неопределенность объекта научного исследования, а также происходит его «стабилизация» и концептуализация, если и может быть представлена в контексте онтологического поворота, то скорее в контексте его методологической составляющей. Эту параллель с СИЭ отмечают и авторы, описывающие существо онтологического поворота в антропологии [Holbraad, Pedersen, 2017, p. 18]. Кроме того, в контексте исторической эпистемологии можно обнаружить и явный критицизм относительно онтологической постановки вопроса как избыточной и ведущей порой к релятивизму [Arabazis, 2003; Касавин, 2018].

²² О необходимом открытии онтологии в рамках исторической эпистемологии см.: [Столярова, 2018а, Столярова, 2018б]. Критические замечания, представленные в дискуссии, следующей за статьей О.Е. Столяровой в выпуске Вестника Томского университета, могут свидетельствовать о недостаточной ясности относительно двух аспектов онтологического поворота в исторической эпистемологии (негативного (методологического) и позитивного (метафизического)). Именно эта неясность провоцирует сомнения в наивности всякой онтологии после трансцендентального поворота и препятствует должной оценке промежуточного онтологического вопрошания как прививки от наивности и догматизма традиционной эпистемологии. Именно эта неясность – существенный возможный предмет дальнейших исследований в области исторической эпистемологии, а также ее онтологических экспликаций.

Последним значимым контекстом возникновения СИЭ может быть назван *кризис научных репрезентаций* или *практический поворот*, истолкованный в отношении такой области исследований как наука.²³ Критическое отношение к научным теоретическим репрезентациям сложно назвать новым, так же как и возобновляющуюся правоту эмпиризма, сопровождающую данный критицизм. Позитивизм Венского кружка также представляет эту тенденцию. Новизна, определяющая специфику кризиса во второй половине XX в., связана с работой над его философским обоснованием, а также с историческим моментом повсеместной критики универсализма, в том числе в научной теории и, тем более в языке опыта. СИЭ в контексте этого поворота дополняет дескрипцию трансформации научных репрезентаций (интерпретаций, теорий, парадигм), вниманием к научным практикам. Поле ее исследования – трансформирующиеся в практиках реальность научных объектов, определенность научных концептов, научное познание в целом. Этот контекст также связан с предшествующими, поскольку критика репрезентаций отсылает к критицизму догматизма традиционной эпистемологии.

Именно на пересечении этих контекстов формируется концептуально и методологически исследовательское пространство СИЭ. В нем выделяют несколько конкретных направлений, определяющих внутреннюю структуру [Feest, Sturm, 2011].²⁴

1) *История эпистемических концептов* (объективность, наблюдение, законы природы, вероятность и др.). Классическими в этом смысле следует назвать работы: [Daston, Galison, 2007; Hacking, 1975; Davidson, 2002, Daston, Lunbeck (eds.), 2011, Daston, Stollies, 2008]. Следует отметить, что в подходах к истории научных концептов есть существенные различия.²⁵ Кроме того, однозначно отделить первое направление от второго можно, если в первом случае принимать в расчет только базовые научные понятия, не попадающие в поле самого научного исследования.

²³ Представлять указанный кризис могут следующие тесты: [Cartwright, 1983, Hacking, 1983]. В контексте практического поворота пространство изучения природы трактуется как области практик [Schatzki et al (eds.), 2001, p. 11]. В свою очередь под практиками понимается коллективная деятельность, включающая материальные вещи, технические устройства, научные объекты в их исторической конкретности. Проблема кризиса научных репрезентаций раскрывается в следующих текстах: [Vanini, 2015; Coopmans et al, 2014; Denzin, 1995; Trift, N. 2008; Куприянов, Шиповалова, 2017; Руденко, 2017]. Сам концепт репрезентации и неоднозначность его трактовки в контексте раскрытия структуры научной деятельности может оказаться *предметом последующего исследования*, в том числе предметом самой исторической эпистемологии.

²⁴ Дополнительно к трем направлениям, различаемым в данной статье, мы, на основании работ СИЭ, предлагаем выделить четвертое направление и второй аспект третьего. Каждое из указанных направлений исследований представляет собой открытый проект и *может дополняться* различного рода кейсами и проблематизациями.

²⁵ О различии в подходах к истории понятий Я Хакинга и А. Девидсона см.: [Detaro, 2010]. Об истории эпистемических концептов см. также: [Вархотов, 2018]

2) *История эпистемических вещей* (объектов). СИЭ проблематизирует известный тезис Кангилема о том, что наука – объект исследования, имеющий историю, но сами научные объекты истории не имеют. Имеют историю не только научные объекты, созданные людьми²⁶, и не только в качестве истории открытия инвариантного объекта²⁷. История раскрывает пути становления вещей научными объектами, а также координацию на этих путях людей, материалов, технических устройств, записей и визуализаций экспериментов и т.д. Значимые исследования в этом направлении: [Rheinberger 1997, Latour, 1999, Pickering 1995].

3) *Макро-история науки*. Среди примеров таких исследований можно отметить работы под редакцией Ю. Ренна [Renn (ed.), 2012; Renn, Gavroglu (eds.), 2007]. Такая «история под телескопом» требует методологической стратегии, позволяющей сочетать внутренние и внешние факторы развития, объяснять его непрерывность и возникновение новизны. Ю. Ренн предлагает строить ее по аналогии с эволюционной теорией, учитывающей данные требования относительно живых организмов [Renn, 1995]. Кроме того, он предлагает дополнить «историю под телескопом» «историей под микроскопом» [Renn, 1996], где, тем не менее, научное познание будет рассматриваться комплексно, как «культурная система». Работы И.С. Дмитриева и его поликонтекстуальный подход могут быть образцовым примером такой микро-истории в отечественной традиции [Дмитриев, 2008]²⁸.

4) *История стилей научного мышления*. Это направление обращает внимание на различие и историческую сменяемость совокупностей правил и форм научной работы. Причем эти совокупности не дублируют дисциплинарные матрицы, однако подобно им существенно различаются и проблематично соединяются. Классиком историографического исследования в этом вопросе является А. Кромби, различающий шесть основных стилей научного мышления в европейской традиции [Crombie, 1995]. С позиции исторической эпистемологии развивает его идеи Я. Хакинг, вводя дополнительный лабораторный стиль [Hacking, 2002, p. 94-117].²⁹

²⁶ Об историческом характере объектов как предметов исторической онтологии пишет Я. Хакинг [Hacking, 2002]

²⁷ Т. Арабацис настаивает, что именно такого рода историчность должна оказываться предметом работы историка науки. История здесь относится не к самому объекту, но к научной деятельности, к процессу открытия и исследования объекта [Arabaztis, 2011, 2006]. Эта история людей ничего не меняет в характере самого объекта. Я. Хакинг (см. предыдущую сноску) в отличие от Т. Арабациса не склонен полагать, что природу можно полностью устранить из исследовательских практик.

²⁸ Также в этом отношении микро-истории в области СИЭ репрезентативен сборник переводов [Александров, Хагнер, 2007]. В области СИЭ, связанной с историей техники и технических наук в отечественной эпистемологии см. работы Горохова [Горохов, 2012; Горохов, 2015].

²⁹ О стилях научного мышления см. также [Kush, 2010; Kwa, 2011]

Проблематизация СИЭ.

В завершении рассмотрим проблемы СИЭ, служащие условием и задающие направления развития этой области исследований науки, разделив их условно на два типа.³⁰

Контекстуальные проблемы. Посредством них СИЭ включается в поле актуальных дискуссий в современной философии. Следует отметить, что эти проблемы отчасти решаются в СИЭ. Однако, будучи философскими, они не могут быть окончательно закрыты, но требуют возобновляющегося обращения к предмету. Эти проблемы определяются в первую очередь контекстом неклассических эпистемологий, провозглашающих многообразие подходов, исследовательских фокусов, принципиальное отсутствие унифицирующей парадигмы. Они требуют «серединной» методологической стратегии, уклоняющейся от крайностей релятивизма и конструктивизма (плюрализма, исторической контингентности, внимания к контексту открытия) с одной стороны, и наивного реализма (универсализма, необходимых законов истории, внимания только к контексту обоснования) с другой. Представители СИЭ осознают эти проблемы и в ответ осуществляют исследования, ортогонально ориентированные относительно указанных оппозиций (в текстах, относящихся к историчности научных объектов), а также методологически обосновывают их [Renn, 1996]. К контекстуальным проблемам можно отнести также проблему соотношения локального и глобального в историческом исследовании, проблему «безжалостного историцизма», этическую проблему гибридных научных объектов (если они отчасти искусственны, то можно ставить вопрос о том какими им следует и не следует быть). В контексте практического поворота возникает необходимость дополнительного внимания к тому, как из научных практик возникают научные концепты, формируется связность опыта и строгость научной аргументации. О конкретной связи перечисленных выше проблем с исторической эпистемологией см.: [Galison, 2008]. Также к контекстуальным проблемам относится легитимация исторической онтологии как аспекта исследований в области СИЭ. Подозрение в наивности «онтологического поворота», сомнение в действенной способности научных объектов, претензия к релятивизму науки, связанному с историзацией ее предметного поля, неоднозначность ответа на вопрос об адекватных способах доступа к нему – делает работу над данной проблемой достаточно актуальной.

Рефлексивные проблемы связаны 1) с идентификацией СИЭ, 2) ее междисциплинарным характером и взаимодействием с близкими областями исследований науки и познания, 3) с осмыслением собственных оснований. Репрезентативной в первом случае является конференция

³⁰ Некоторые проблемы СИЭ рассмотрены в специальном выпуске журнала *Erkenntnis*, 2011, vol. 75, no 3 и суммированы в редакционной статье [Feest, Sturm, 2011].

Института истории науки М. Планка 2012 г., цель которой – демонстрация связи СИЭ и французской исторической эпистемологии [History and Epistemology, 2012]. Также в этом контексте актуальны следующие работы: [Gingras, 2010; Nasim, 2013; Гавриленко, 2017; Соколова, 2017]. Проблемы идентификации включают также вопросы о собственной предметной и методологической определенности СИЭ. Например, о возможных конструктивных заимствованиях методов из других наук или о пересечениях четырех указанных выше направлений исследований (о механизмах превращения эпистемических концептов в эпистемические вещи, о роли научных стилей в формировании тех и других, о связи макро и микро уровней исследования и п.т.).

Относительно междисциплинарности, во-первых, многие авторы подчеркивают не только открытие возможностей для конструктивного диалога философов и историков, но и сохраняющееся противоречие исследовательских интересов участников этого диалога [Rheinberger, 2012; Nasim, 2013]. Остается вопрос о различии в новой ситуации истории историков (науки) и истории (теории познания) философов [Feest, Sturm, 2011], а также о том сможет ли СИЭ найти срединный путь между нормативизмом философии и дескриптивизмом истории? Во-вторых, актуальна и далека от решения проблема взаимодействия между формальной философией науки, представленной по преимуществу аналитической традицией, и исторической философией науки [Brenner, 2015]³¹. Насколько СИЭ может внести вклад в решение этой проблемы, разработать конкретные способы взаимодействия или дополнительности остается открытым вопросом.³²

³¹ О возможностях синтеза формальной философии науки и наследующей традиции поворота к историческому см.: [Damböck, 2014]

³² Проблема междисциплинарности обсуждается также в [Sturm, 2011], где сравнивается значение исторической эпистемологии и истории эпистемологии в решении актуальных проблем теории познания. Причем сравнение осуществляется не в пользу СИЭ. История эпистемологии или история теории познания, представленная по преимуществу текстами аналитических философов, например: [Hintikka, 1974; Tiles, Tiles, 1993], обращает к историческому полю рефлексии существующих проблем. СИЭ же представляет собой, на наш взгляд, нечто большее, чем стремление «приспособить исторический материал для философских целей», как об этом пишет Штурм: [Sturm, 2011, р. 306]. Она демонстрирует пространство научной деятельности, в котором возникают современные философские проблемы. Эти жесты истории эпистемологии и СИЭ могут быть рассмотрены как дополняющие друг друга или даже как удостоверяющие друг друга. Так, в тексте Объективность [Daston, Galison, 2007] раскрывается формирующееся в практиках различных наук неустранимое многообразие смыслов объективности как базового научного концепта. Именно здесь, а также в рефлексии этого концепта в истории философии рождаются условия современных дискуссий между реалистами и конструктивистами, относительно данного понятия. См. также пример объединения истории эпистемологии и исторической эпистемологии в исследовании современной проблемы научной объективности [Шиповалова, 2014]. Примерами подобного соединения истории эпистемологии, обращющейся к истории теорий познания и исторической эпистемологии, обращющейся к изменяющимся в истории научным практикам, их дескрипции и научной рефлексии, могут быть работы отечественных эпистемологов В.А. Ахутина и П.П. Гайдено, Родин А.В. [Ахутин, 1976; Гайдено, 2003; Родин, 2003]. Развиваемая Б.И. Пружининим культурно-историческая эпистемология близка по духу истории эпистемологии [Пружинин, 2009; Щедрина, 2014]. О междисциплинарном характере исторической эпистемологии,

С необходимостью осмысления собственных оснований сталкивается любое новое направление исследований. М. Куш, анализируя тексты Я. Хакинга, Л. Дастон и П. Галисона, обращает внимание на пока недостаточную готовность исторической эпистемологии осознать релятивистские последствия собственных суждений, проблемы микроисторического анализа, а также стать рефлексивными в том смысле, который провозглашается в сильной программе социологии научного знания [Kusch, 2011]. В текстах СИЭ часто не присутствует выраженная позиция относительно, например, собственного стиля научного мышления, ценностной и целевой ориентации. Критическое отношение к нормативной установке традиционной философии науки порой препятствует формированию собственных тезисов, скажем, о значимых в современности научных концептах, о взаимном воздействии современного научного и философского дискурсов, о вкладе исторической эпистемологии в решение современных эпистемологических и мировоззренческих проблем.

Все перечисленные проблемы относятся к перспективам развития СИЭ и, таким образом, представляют ее как открытый проект. Открытость современной исторической эпистемологии связана как с воплощением ее исследовательских установок, с созданием новых кейсов, относящихся к научным практикам прошлого и современности, так и с осмыслением ее собственного места в пространстве актуальных исследований научной деятельности.

Литература

- Alvargonzalez, 2013 - Alvargonzalez D. Is The History of Science Essentially Whiggish? // *History of Science*. 2013. Vol. 51(1). P. 85-99.
- Arabatzis, 2003 - Arabatzis T. Towards a historical ontology // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2003. № 34. P. 431-442.
- Arabatzis, 2006 - Arabatzis T. Representing Electrons: A Biographical Approach to Theoretical Entities. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 295 p.
- Arabatzis, 2011 - Arabatzis T. On the History of Scientific Object // *Erkenntnis*. 2011. № 75. P. 377-390.
- Arabatzis, 2015 - Arabatzis T., Howard D. Introduction: Integrated history and philosophy of science in practice // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2015. No. 50. P. 1-3.
- Ashplant, Wilson, 1998 - Ashplant T.G., Wilson A. Present-centered History and the Problem of Historical Knowledge // *The Historical Journal*. 1998. № 31. P. 253-275.
- Bachelard, 2006 - Bachelard G. The Formation of the Scientific Mind. Clinamen Press Ltd, 2006. 266 p.

стремящейся объединить изучение социальной и когнитивной структуры науки, осуществить исследование науки как познавательной (когнитивной) деятельности и социального института, см. [Renn, 1996]. О пересечении социологии научного знания и современной исторической эпистемологии в контексте конструктивистской установки, см.: [Кукарцева, 2007; Трубникова, 2018].

Boaventura, Nunes, Meneses, 2007 - Boaventura S. S., Nunes J. A., Meneses M. P. Introduction: Opening Up the Canon of Knowledge and Recognition of Difference // *Another Knowledge Is Possible: Beyond Northern Epistemologies* / ed. by S. S. de Boaventura. London: Verso, 2007. 447 p.

Braunstein, 2012 - Braunstein J.F. Historical Epistemology, Old and New // *History and Epistemology: From Bachelard and Canguilhem to Today's History of Science*, Max Planck Institute for the History of Science. 2012 Conference. Preprint 434 // <https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/Preprints/P434.PDF> c. 33-40. (Дата обращения 14.10.2018).

Brenner, 2015 - Brenner A. Is There a Cultural Barrier between Historical Epistemology and Analytic Philosophy of Science? // *International Studies in the Philosophy of Science*. 2015. Vol. 29(2). P. 201-214.

Butterfield, 1955 - Butterfield H. *Man on his Past. The Study of the History of Historical Scholarship*. Cambridge: Cambridge University Press, 1955. 238 p.

Canguilhem, 1988 - Canguilhem G. *Ideology and rationality in the history of the life sciences*. London: MIT Press, 1988. 160 p.

Carlile, Langley, 2013 - *How Matter Matters: Objects, Artifacts, and Materiality in Organization Studies (Vol. 3)*. / eds. by P.R. Carlile, A. Langley. Oxford University Press, 2013.

Cartwright, 1983 - Cartwright N. *How the Laws of Physics Lie*. N. Y.: Clarendon press, 1983. 221 p.

Chimisso, 2015 - Chimisso C. Narrative and epistemology: Georges Canguilhem's concept of scientific ideology // *Studies in History and Philosophy of Science* 54 (2015) 64-73.

Conference, 2012 - *History and Epistemology: From Bachelard and Canguilhem to Today's History of Science*, Max Planck Institute for the History of Science. 2012 Conference. Preprint 434. URL: <https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/Preprints/P434.PDF>. (Дата обращения 14.10.2018).

Cooper, 2007 - Cooper A. *Inventing the Indigenous: Local Knowledge and Natural History in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 236 p.

Coopmans et al, 2014 - *Representation in Scientific Practice Revisited* / Ed. C. Coopmans, J. Vertesi, M. Lynch, S. Woolgar. Mass.: MIT Press, 2014.

Crombie, 1995 - Crombie A.C. *Styles of Scientific Thinking in the European Tradition: The History of Argument and Explanation Especially in the Mathematical and Biomedical Sciences and Arts*. Duckbacks 1995 2456 p.

Damböck, 2014 - Damböck Ch. Caught in the Middle: Philosophy of Science between the Historical Turn and Formal Philosophy as Illustrated by the Program of "Kuhn Sneedified" // *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science* Vol. 4, No. 1. 2014, pp. 62-82.

Daston, 1992 - Daston L. Objectivity and Escape from Perspective // *Social Studies of Science*. 1992. № 22. P. 597-618.

Daston, 1994 - Daston, L. Baconian facts, Academic Civility, and the Prehistory of Objectivity // *Rethinking Objectivity* / Ed. A. Megill. Durham and London, 1994. P. 37-64.

Daston, 2000 - *Biographies of Scientific Objects* / Ed. L. Daston. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2000. 308 p.

Daston, 2008 - *Things that Talk: Object Lessons from Art and Science* / Ed. L. Daston. New York: Zone Books, 2008. 448 p.

Daston, Galison, 1992 – Daston L., Galison P. The Image of Objectivity // *Representation*, 1992. № 40, Special Issue: *Seeng Science*. P. 81-128.

Daston, Galison, 2007 - Daston L. & Galison P. *Objectivity*. New York: Zone Books, 2007.

Daston, Lunbeck, 2011 - *Histories of Scientific Observations*. (eds.) Daston L. Lunbeck E. University of Chicago Press, Chicago and London, 2011.

Daston, Stollies, 2008 - *Natural Law and Laws of Nature on Early Modern Europe* / Eds. by L. Daston M. Stollies. Max Planck Institute for History of Science, Berlin Max Planck Institute for European Legal History, Frankfurt-am-Main, 2008.

Davidson, 2002 - Davidson A. I. The emergence of sexuality: Historical epistemology and the formation of concepts. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 272 p.

Denzin, 1995 - Denzin, N. The poststructural crisis in the social sciences: Learning from James Joyce. // *Postmodern Representations. Truth, Power, and Mimesis in the Human Sciences and Public Culture*. Brown R.H. (ed). 1995, University of Illinois Press, 38–60.

Detaro, 2010 - Detaro M. L'epistemologia storica dei concetti: una questione di stile. Confronto a distanza fra Ian Hacking e Arnold I. Davidson // *Medicina & Storia*, X, 2010, 19-20, n.s., pp. 221-234

Feest, Sturm, 2011 - Feest U., & Sturm, T. What (Good) Is Historical Epistemology? // *Erkenntnis*. 2011. Vol. 75(3). P. 285–302.

Foucault, 1972 - Foucault M. *The Archeology of Knowledge*, transl. by A. M. Sheridan Smith. N.Y.: Pantheon Books, 1972. 246 p.

Galison, 2008 - Galison P. Ten Problems in History and Philosophy of Science // *Isis*. 2008. Vol. 99(1). P. 111-125.

Gavroglu, Renn, 2007 - Positioning the History of Science/ Ed. K. Gavroglu, J. Renn. Dordrecht: Springer, 2007. 188 p.

Gingras, 2010 - Gingras Y. Naming without necessity. On the genealogy and uses of the label “historical epistemology” // *Revue de Synthèse*, 2010. Vol. 131(3). P. 439 – 454.

Greco, Sosa, 1999 - *The Blackwell Guide to Epistemology*. / Eds. J. Greco, E. Sosa. Oxford: Blackwell. 1999. 464 p.

Hacking, 1975 - Hacking I. *The Emergence of Probability*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 246 p.

Hacking, 1983 - Hacking I. *Representing and Intervening*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 304 p.

Hacking, 2002 - Hacking I. *Historical ontology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. 288 p.

Hall, 1983 - Hall, A.R. On Whiggism // *History of Science*. 1983. № 21. P. 45-59.

Hendry, 2016 - Hendry R.F. Immanent Philosophy of X // *Studies in History and Philosophy of Science* № 55 (2016) p. 36-42.

Hintikka, 1974 - Hintikka J. *Knowledge and the Known, Historical Perspectives on Epistemology*. Dordrecht-Boston, 1974. 260 p.

Holbraad, Pedersen, 2017 - Holbraad M. Pedersen M.A., *The Ontological Turn*. Cambridge University Press, 2017.

Jardine, 200 - Jardine, N. Whiggs and Stories. Herberd Butterfield and the Historiography of Science // *History of science*. 2003. 41 (132). P. 125-140.

Kinzel, 2015 - Kinzel K. Narrative and evidence. How can the case studies from the history of science support claims in the philosophy of science? // *Studies in History and Philosophy of Science* № 49 (2015) p. 48-57.

Kmita, 1988 - Kmita J. *Problems in Historical Epistemology*. Springer Netherlands 1988. 194 p.

Kusch, 2010 - Kusch, M. Hacking's historical epistemology: A critique of styles of reasoning. *Studies in History and Philosophy of Science*, 2010, 41(2), P. 158–173.

Kusch, 2011 - Kusch M. Reflexivity, Relativism, Microhistory: Three Desiderata for Historical Epistemologies // *Erkenntnis*. 2011. Vol. 75(3). P. 483-4894.

Kuukkanen, 2016 - Kuukkanen J.-M. Historicism and the failure of HPS // *Studies in History and Philosophy of Science* № 55 (2016) p. 3-11.

Kwa, 2011 - Kwa C. *Styles of Knowing: A New History of Science from Ancient Times to the Present*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 367 p.

Latour, 1999 - Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Paster and Whitehead in a Bath of Lactic Acid // *Common Knowledge*. 1999. No. 5. P. 76-91.

- Latour, 2000 - Latour, B. On Partial Existence of Existing and Nonexisting Objects // *Biographies of Scientific Objects* / Ed. L. Daston. Chicago and London, 2000. P. 247-269.
- Lecourt, 1975 - Lecourt D. *Marxism and epistemology: Bachelard, Canguilhem, and Foucault*. London: NLB, 1975. 223 p.
- Lloyd, 1995 - Lloyd, E.A. Objectivity and the Double Standard for Feminist Epistemologies // *Synthese*. 1995. № 104. P. 351-381.
- Lynch, 2018 - Lynch W.T. Imre Lakatos and the Inexhaustible Atom: the Hidden Marxist Roots of History and Philosophy of Science // *Epistemology & Philosophy of Science* 2018, vol. 55, no. 3, pp. 25–34
- Marcus, Fischer, 1986 - Marcus, G.E., Fischer, M.M.I. *Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1986.
- Moro Abadia, 2008 - Moro Abadia, O. Beyond the Whig Interpretation of History: Lessons of Presentism from Helene Metzger // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2008. Part A. № 39(2). P. 194-201.
- Moro Abadia, 2011 - Moro Abadia, O. Hermeneutical Contribution to the History of Science: Gadamer on «Presentism» // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2011. Part A. № 42. P. 372-380.
- Nasim, 2013 - Nasim O. Was ist historische Epistemologie? // *Nach Feierabend*; ed. by M. Hagner and C. Hirschi. Zurich, Berlin: Diaphanes. 2013. P. 123–144.
- Pickering, 1995 - Pickering A. *The Mangle of practice: Time, agency and science*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. 296 p.
- Pickstone, 1995 - Pickstone J.V. Past and Present Knowledge in the Practices of the History of Science // *History of Science*. 1995. № 33. P. 203-224.
- Renn, 1995 - Renn J. Historical Epistemology and Interdisciplinarity // *Physics, philosophy and the scientific community*; eds. K. Gavroglu et al. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 241–251.
- Renn, 1996 - Renn J. Historical epistemology and the advancement of science. Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, Preprint 36. Berlin: Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, 1996. URL: <http://www.mpiwg-berlin.mpg.de/Preprints/P3>. (Дата обращения 14.10.2018).
- Renn, 2012 - *The Globalization of Knowledge in History* / Ed. J. Renn. Berlin: Max Planck Institute, 2012. 854 p.
- Rheinberger, 1997 - Rheinberger H.J. *Towards a History of Epistemic Things*. Stanford: Stanford University Press, 1997. 326 p.
- Rheinberger, 2010 - Rheinberger H.-J. *On historicizing epistemology*, transl. by D. Fernbach. Stanford University Press, 2010.
- Rheinberger, 2012 - Rheinberger H.-J. A Plea for a Historical Epistemology of Research. // *Journal for General Philosophy of Science*. 2012. Vol. 43. Is. 1. P. 105-111.
- Riesch, 2014 - Riesch H. Philosophy, history and sociology of science: Interdisciplinary // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2014. No. 48. P. 30-37.
- Schatzki et al, 2001 - *The Practice Turn in Contemporary Theory* / Ed. T.Schatzki et al. New York, Lonon: Routledge, 2001. 252 p.
- Shapin, 1990 - Shapin S. Science and the public // *Companion to the history of modern science* / eds R. C. Olby, G. N. Cantor, J. R. R. Christie, M. J. S. Hodge. London: Routledge, 1990. P. 991–1007.
- Shapin, Schaffer, 1985 - Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-Pump*. Princeton: Princeton University Press, 1985. 448 p.
- Sturm, 2011 - Sturm T. Historical Epistemology or History of Epistemology? The Case of the Relation Between Perception and Judgment: Dedicated to Günther Patzig on his 85th birthday. // *Erkenntnis*. 2011. Vol. 75(3). P. 303-324
- Tiles, Tiles, 1993 - Tiles, M. & Tiles, J. *An Introduction to the Historical Epistemology, The Authority of Knowledge*. Oxford-Cambridge, USA, 1993.

- Tosh, 2003 - Tosh, N. Anachronism and Retrospective Explanation: In defense of a Present-centered History of Science // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2003. Part A. 34(3). P. 647-659.
- Trift, N. 2008. - Trift, N. *Non-Representational Theory*. London & New York: Routledge, 2008.
- Trubnikova, 2016 - Trubnikova N. V. Modern historical epistemology through the prism of Paul Ricoeur' transactions // *SHS Web of Conferences*. Les Ulis: EDP Sciences, 2016. Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015): International Conference, December 15-17, 2015, Tomsk, Russia: [proceedings]. [01140, 4 p.].
- Vanini, 2015 - *Non-Representational Methodologies. Re-envisioning Research*. Ed. Ph. Vannini. N.Y., 2015.
- Vetter, 2011 - Vetter J. Introduction: Lay Participation in the History of Scientific Observation // *Science in Context*. 2011. N 24(2) P. 127–141.
- Wagne, 2000 - Wagner, P. Entirely New Object of Consciousness, of Volition, of Thought. The coming into being and (almost) passing away of «society» as a scientific object // *Biographies of scientific objects* / Ed. L. Daston. Chicago and London. 2000. P. 132-157.
- Wartofsky, 1979 - Wartofsky M. *Models: Representation and the Scientific Understanding*. Springer Netherlands. 1979. 398 p.
- Wartofsky, 1987 - Wartofsky M. Epistemology historised // *Naturalistic Epistemology*; ed. A. Shimony & D. Nails 1987. P. 357-374.
- Александров, Хагнер, 2007 - Наука и научность в исторической перспективе / Ред. Д. Александров, М. Хагнер. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2007.
- Анкерсмит, 2007 - Анкерсмит, Ф.Р. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Издательство «Европа», 2007. 612 с.
- Астахов, 2016 - Астахов А.А. Способны ли объекты к действию. Версия Акторно-Сетевой теории. // *Философия и культура*. №8.(104) 2016. с. 1091-1098.
- Ахутин, 1976 - Ахутин А.В. *История принципов физического эксперимента*. М.: Наука, 1976. 292 с.
- Вархотов, 2018 - Вархотов Т.А. Объективность «объективности»: историографическая модель Л. Дастон и П. Галисона и эпистемологическая история науки // *Ученые Записки Крымского Федерального Университета имени В. И. Вернадского. Философия, Политология, Культурология*. 2018. Том 4 (40). № 3. С. 3-13.
- Вен, 2003 - Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 396 с.
- Гавриленко, 2017 - Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // *Эпистемология и философия науки* 2017. Т. 52(2). С. 20-28.
- Гайденок, 2003 – Гайденок П.П. *Научная рациональность и философский разум*. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
- Горохов, 2015 – Горохов В.Г. Историческая эпистемология науки и техники // *Философия науки*. Т. 20. 2015. С. 7-35.
- Горохов, 2012 – Горохов В.Г. *Технические науки: история и теория (история науки с философской точки зрения)*. М., 2012.
- Дмитриев, 2008 - Дмитриев И.С. *Искушение святого Коперника. Ненаучные корни научной революции*. СПб.: СПбГУ, 2008. 276 с.
- Дэстон, 2007 - Дэстон, Л. Научная объективность со словами и без слов // *Наука и научность в исторической перспективе* / Ред. Д. Александров, М. Хагнер. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2007. С. 37-71.
- Ерофеева, 2017 - Ерофеева М.А. Проблематизация объекта в современной социологической теории. // *Социологические исследования* № 7, 2017. С. 13-23.

- Касавин, 2000 - Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. СПб.: Издательство РХГИ, 2000. 320 с.
- Касавин, 2005 - Касавин И.Т. Эпистемология и историческое сознание // Эпистемология и философия науки. 2005 Т.3. № 1. С. 5-14.
- Касавин, 2013 - Касавин И.Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 560 с
- Касавин, 2018 - Касавин И.Т. Научный реализм, онтология и мистика // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2018. № 45 С. 217-221.
- Касавин, Лекторский, Швырёв, 2005 - Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырёв В.С. Рациональность как ценность культуры // Вестн. РАН. 2005. № 4.
- Копосов, 2001 - Копосов Н. Как думают историки. М.: НЛО, 2001. 326 с.
- Кузнецова, 1982 - Кузнецова Н. И. Наука в её истории (методологические проблемы). М., 1982.
- Кузнецова, 1996 - Кузнецова Н. И. История науки на распутье // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 1.
- Кузнецова, 2005 - Кузнецова Н. И. Неопознанный Фейерабенд // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. III. № 1. С. 210—216.
- Кузнецова, 2009 - Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм — две картины прошлого // Arbor Mundi. 2009. Вып. 15. С. 164-196.
- Кукарцева, 2007 - Кукарцева М.А. Историческая эпистемология versus социальная. Обзор англоязычных изданий // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XVIII № 3. С. 87-99.
- Куприянов, Шиповалова, 2017 – Куприянов В.А., Шиповалова Л.В. Кризис репрезентаций. Как возможен успешный исход. Случай наукометрии. // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 171–188.
- Латур, 2014 - Латур Б. Извините, не могли бы вы вернуть нам материализм? // Логос №4 [100] 2014 с. 265 274
- Лекторский, 2009 - На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2009. 237 с
- Мамардашвили, Соловьёв, Швырёв, 1972 - Мамардашвили М.К., Соловьёв Э.Ю., Швырёв В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М., 1972. С. 28–94.
- Мегилл, 2007 - Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
- Мейясу, 2015 – Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимой контингентности. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Порус, 2008 - Порус В. Н. Между философией и историей науки: на пути к «гибкой» теории научной рациональности // Имре Лакатос: Избранные произведения по философии и методологии науки / Пер. с англ.: И. Веселовский, А. Л. Никифоров, В. Н. Порус. М.: Академический проект, 2008. С. 9-21.
- Порус, 2009 - Порус В. Н. К вопросу о «рациональной реконструкции истории науки» // Высшее образование в России. 2009. № 7. С. 139—146.
- Порус, 2010 - Порус В. Н. Людвик Флек: от сравнительной к социальной эпистемологии // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под общ. ред.: И. Т. Касавин. М.: Канон+, 2010. Гл. 26. С. 566—585.
- Пружинин, 1994 - Пружинин Б.И. Познавательное отношение в классической и неклассической эпистемологии // Субъект. Познание. Деятельность: К 70-летию В.А.Лекторского. М., 2002.
- Пружинин, 2009 - Пружинин Б.И. Ratio Serviens. Контурь культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009 423 с.
- Родин, 2003 – Родин А.В. Математика Евклида в свете философии Платона и Аристотеля. М.: Наука, 2003. 211 с.

- Розов, 1994 - Розов М.А. Презентизм и антикваризм. Две картины истории // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 3. С. 13-23.
- Руденко, 2017 – Руденко Н. «Кризис репрезентаций в социальных науках на рубеже 1980-1990: критика процесса познания и социологических нарративов // Эпистемология и философия науки. Т. 51. № 1. С. 207–221.
- Соколова, 1995 - Соколова Л.Ю. Историческая эпистемология во Франции. СПб.: СПбГУ, 1995. 136 с.
- Соколова, 2017 - Соколова Т. Д. Зачем так усложнять // Эпистемология и философия науки 2017. Т. 52(2). С. 47–51.
- Столярова, 2010 - Столярова О.Е. Спор эпистемологий // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24. № 2. С. 65-67.
- Столярова, 2012 - Онтологии артефактов: взаимодействие естественных и искусственных компонентов жизненного мира // О.Е. Столярова (ред). М.: Дело, 2012.
- Столярова, 2014 - Столярова О.Е. Социология науки и философия науки: за пределами дескриптивизма и нормативизма // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 168-177.
- Столярова, 2018 - Столярова О.Е. Историческая онтология как проблема // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2018. № 45 С/ 194 – 202.
- Столярова, 2018 - Столярова О.Е. Подразумевает ли историческая эпистемология историческую онтологию? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 369–380.
- Трубникова, 2018 - Трубникова Н. В. Социология науки как ресурс развития современной исторической эпистемологии // Вестник науки Сибири. 2018. № 2 (29). с. 1-10.
- Уайт, 2002 - Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2002. 528 с.
- Филатов, Малахов, Вышегородцева, 2007 - Филатов, В.П., Малахов, В.С., Вышегородцева, О.В. Обсуждаем статью «Историчность» // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XII. №2. С. 150-162.
- Шиповалова, 2014 – Шиповалова Л.В. Научная объективность в исторической перспективе. Диссертационное исследование на соискание степени доктора философских наук. СПб., 2014. <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/Shipovalova-dissertazia.pdf>
- Щедрина, 2014 - Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Сост.: Н. С. Автономова, Т. Г. Щедрина; науч. ред.: Т. Г. Щедрина. М. : Российская политическая энциклопедия, 2014. С. 193—208.